СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
1984, 1 дек.

Юрий Нагибин

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ

Новеллы жизни Наталии Сац

ЧЕЛОВЕК во всем своеобразный, избегающий проторенных путей, Наталия Сац придала своим мемуарам новеллистический характер. Видимо, ее обостренному чувству формы претили мемуарная расплывчатость, вязкость, привкус безволия, с каким иные тащатся по прожитым, отшумевшим годам, вяло пережевывая ту кисло-сладкую жвачку, в которую обратилась жаркая терпкость былых страстей, душевных бурь, побед, поражений, радостей и мук.

Новеллистический строй книги придал ей динамичность, остроту, чему нисколько не мешают, а скорее, помогают неизбежные в подобных случаях повторы: автору невольно приходится возвращаться к уже упоминавшимся обстоятельствам, событиям, коллизиям, но, поскольку в знакомых «декорациях» разыгрывается иная история, иными «актерами», встреча с уже известным не тяготит, а скорее, помогает восприятию нового, которое в свою очередь озаряет обратным светом уже ведомое нам. Естественно, такой способ разговора с читателями создает для мемуариста дополнительные трудности, но когда искала Наталия Сац легких путей? Максималистка во всем, она неизменно задавалась предельно сложными задачами. Режиссер по своему главному призванию (кстати, кто скажет, какой набор дарований положен режиссеру? Похоже, его должны осенять все девять муз), Н. Сац ставила спектакли, концертные программы и массовые зрелища. **ставила** театры — в прямом и переносном смысле слова: так, ею созданы первый детский театр в стране — Московский театр для детей и Центральный детский театр, детский театр в Казахстане, первая и единственная в мире детская опера, для которой всесоюзная «тетя Наташа» возвела чудо-дворец.

И книга (точнее, двухтомник) Наталии Сац, выпущенная издательством «Искусство», при кажущейся и привлекательной пестроте — это единая, долгая. сложная, порой мучительная история осуществления главной мечты и цели ее жизни, ибо она в равной мере человек театра и музыки. Здесь воплотилась издавна лелеемая мысль о самой совершенной форме эстетического воспитания ребенка, гражданина завтрашнего, более совершенного мира. Сказанное мною справедливо и верно, но несколько чуждо живой плоти книги. Наталия Сац, не устающая **думать** о своей профессии, сознающая свою судьбу как счастливую обреченность, как источник вечного беспокойства, как главную ответственность перед обществом, но и как праздник, который всегда с ней, нередко пользуется серьезными научными словами, вроде произнесенных мной, но если читатель, еще незнакомый с книгой, вообразит себе некую «гелертерскую», добродетельную тяжеловесность надсадного труда, то он будет весьма далек от истины. Мне нравится поэтический образ: «мир горяч, как сковородка». Так чувствует окружающее Наталия Сац. Горячо, страстно отзывается она жизни, людям, искусству, особенно музыке, мужественно идет на бой за свою правду, за то, что кажется ей справедливым, нужным, на бой за детей, за их сердца и радость и **никогда** не отступает. Я задумался, с чем в мемуарной литературе можно сравнить книгу Наталии Сац, и пришел к неожиданному выводу: с жизнеописанием неистового флорентийца Бенвенуто Челлини, «написанным им самим». Да, да, не усмехайтесь, не пожимайте плечами: при всей разнице в фактуре — разные эпохи, разные нравы — авторов роднит обостренность очень личной интонации, фанатичное отношение к творчеству, лучше сказать, к труду, бескомпромиссность, умение попадать в беду и являть в ней редкое мужество, несгибаемость, во всех передрягах внешней и внутренней жизни оставаться верным своему высшему призванию и быть всегда «живым, живым и только, живым и только, до конца» (Б. Пастернак). Конечно, в новеллах Сац нет ни веревочных лестниц, ни чаш с ядом или мелко толченым алмазом, не сверкают кинжалы, не лязгают мечи, не льется кровь, не переливаются рубины в папских тиарах, не плавятся жемчужины для освежающего питья, у каждого времени свои шумы, краски, ритмы, свой свет, цвет и запах, но по напряженности, многообразности и перепадам бытия хрупкая женщина, режиссер детского театра, может поспорить с яростным художником-мечебоем исхода итальянского Возрождения. Читаешь, как самозабвенно, без снисхождения к себе и окружающим добивалась Наталия Сац того или иного театрального эффекта, как отстаивала — нередко одна против всех — свою художническую правоту, и вспоминается то испепеляющее неистовство, с каким Бенвенуто отливал знаменитого Персея с головой горгоны Медузы.

ЖИЗНЬ щедро улыбалась Наталии Сац, но жизнь показывала ей и клыки вепря. И если улыбку жизни она умела вызывать сознательным и терпеливым усилием любви, творчества, самоотдачи, то злой оскал настигал ее без провинности.

У нее было чудесное детство: бедное и талантливое, если так позволено сказать. Она была дочерью одаренной музыкантши и редкостно талантливого композитора. Имя Ильи Саца, создателя таинственной и нежной музыки к «Синей птице», неотделимо от истории Московского Художественного театра. Никогда еще музыка так доказательно не заявляла, что она не сопровождение спектакля, гарнир к театральному действию, а такая же суть его, как игра актеров, режиссура и оформление. После Ильи Саца музыка перестала быть в театре Золушкой, как декорации и костюмы — после Бенуа и Бакста. Его музыка навсегда осталась с «Синей птицей», не покинувшей сцены МХАТа, но она обрела и новую жизнь на сцене детского оперного театра. И не случайно синяя птица венчает здание этого театра-дворца — то дань памяти Наталии Сац безмерно, через всю жизнь любимому отцу. В маленькой Наташе необычайно рано проснулась страсть к лицедейству (в благородном смысле) и музыке. Размеры рецензии не позволяют идти за всеми извивами пути одаренной девочки, скажу лишь, что ее многочисленные таланты могли остаться в скромных пределах любительства: ранняя смерть отца очень осложнила существование вовсе не обеспеченной семьи — если б не Октябрьская революция, вынесшая на гребне своей волны множество высокоодаренных молодых людей; вспомним двадцатилетних командармов, громивших царских генералов, юношей-коммунистов, подымавших деревню, возглавлявших заводы, фабрики, целые отрасли промышленности, и того вчерашнего матросика, который с редкой отвагой принялся создавать отечественное автомобилестроение. К этим людям принадлежала и пятнадцатилетняя (!) Наташа Сац. Когда весной 1918 года она отправилась в театрально-музыкальную секцию к П. М. Керженцеву, то была согласна и на посыльную, и на гардеробщицу — всё возле искусства, а вышла от хозяина театрально-музыкальной Москвы главой не существующего пока детского отдела.

От стола, крытого листом бумаги, и картонки с надписью «Детский отдел» начался беспримерный путь к дворцу-театру. Он был тернист, извилист, ухабист и вместе — прям, этот путь, если говорить не о сбивающих с ног толчках и затрещинах жизни, а о внутреннем позыве, о той зовущей вперед к рано осознанной цели серебряной трубе, что звучала неумолчно в душе.

Старый большевик Керженцев не обманулся в девочке со вздернутым носом. Превратив в яркую революционную явь призрачное учреждение, именуемое детским отделом Темусека, она через год создала первый в стране театр для детей, пробудив для кипучей театральной жизни мертвое здание в Мамоновском переулке. Он до сих пор жив, этот театр.

Итак, советские дети получили свой театр, а у Наталии Сац произошла самая значительная встреча, во многом определившая ее душевную и творческую жизнь. На детском спектакле в Большом театре она познакомилась с другом и соратником Ленина, народным комиссаром просвещения Анатолием Васильевичем Луначарским. Человек безмерно одаренный — деятель и ученый, философ, поэт, драматург и оратор, Луначарский обладал удивительным чутьем на людей талантливых. И неудивительно, что он сразу почувствовал, что в худенькой девушке, бесстрашно ступившей на сцену Большого театра в разношенных валенках, чтобы сказать вступительное слово, и спокойно откликавшейся детворе на «тетю Наташу», горит сильное и тугое пламя. Такой стоит помогать.

Народный комиссар и помогал — прежде всего воспитующим примером собственной личности, словом и жестом прямой поддержки, но не превращал помощь в мелкую опеку. Этим не воспитаешь борца и человека. И когда вошедшая в директорию театра Генриетта Паскар («мадам Паскар» насмешливо назвали ее в Москве) повлекла детский театр в водевильно - гривуазно - мистическую трясину (по ее заказу инсценировали легенду о прекрасном Иосифе, соблазняемом женой Петефрия), Луначарский не стал вмешиваться в битву амазонок, благо его об этом и не просили, и Наталия Сац, не сладившая с более зрелой, искушенной противницей, вынуждена была уйти из театра. Мадам Паскар недолго торжествовала победу. Песенка «Вы, Паскар, скажите поскорей, для чего так портите детей?» звучала все громче и наконец достигла слуха театрального начальства. Свои художественные искания мадам Паскар осуществила в одном из парижских кабаре.

А Наталия Сац, недолго предававшаяся грусти, уже создала Московский театр для детей, оттягав у кинематографистов пустующее полуразрушенное помещение бывшего кинотеатра «Арс» (сейчас там Театр имени Станиславского). И вот тут Анатолий Васильевич, вновь поверив в прочность «тети Наташи», протянул ей дружественную руку. Московский театр для детей крепко стал на ноги. Об этом я могу сказать не с чужих слов. Нежный, удивительный, ни на что не похожий спектакль «Негритенок и обезьяна» памятен всем людям моего поколения, он был одним из чудес света, как мхатовская «Синяя птица» или «Три мушкетера» Дюма. В этом пленительном, изящном, пластически совершенном зрелище были решены — без малейшей дидактики — две величайшие темы человечества, ничуть не утратившие своего значения и в нынешнее время: интернационализм и защита наших меньших братьев в вечном, могучем и хрупком мире природы. Нас, зрителей, ни в чем не убеждали, но заставили всем сердцем полюбить доброго негритенка и его очаровательного косматого друга.

Но еще до этого великий режиссер и актер Алексей Дикий поставил «Пиноккио» — сказку о деревянном человечке. Читать страницы, посвященные рождению и становлению Московского театра для детей, захватывающе интересно. Забегая вперед, скажу, что история создания детской оперы, пожалуй, еще увлекательнее.

КАК хорошо, когда о своем труде пишут профессионалы высокой пробы! Новеллы Н. Сац могут служить руководством к созданию театров. Здесь есть все: как пробивать необходимые решения в разных инстанциях, как ловить нужного человека — в кабинете, в приемной, в коридоре, на лестнице, как находить единомышленников, как доставать дефицитные материалы, как сколачивать труппу, превращать разрозненное сборище одаренных, но очень несхожих между собой, тянущих в разные стороны людей в монолит, как строить репертуар, привлекать к работе творчески близких талантливых людей, заражать их своей верой, своим энтузиазмом и брать от них больше, нежели они могут дать, как подступать к спектаклю, искать его решение в единстве драматургии, музыки, сценографии — это слово не из словаря Н. Сац. Поскольку же здесь речь идет большей частью о театре для детей, то к обычным заботам прибавляется множество иных: как сделать сложное зрелище доступным самым маленьким, как добиться, чтобы их праздник начался, едва они переступят заветный порог, и даже: куда девать безбилетных родителей во время спектакля.

Рассказывая обо всем этом, Наталия Сац не боится показаться смешной. Весело и сердито живописует она свою чудовищную настойчивость в раздобывании разных строительных материалов или «вышибании» пьесы из прославленного и забалованного автора, свои многочисленные злоключения во всевозможных ведомствах, инстанциях, и как от нее бегали, и как обманывала она бдительность секретарш и выбивала искру сочувствия из самых твердокаменных противников детского театра. Оказывается, можно пробиться в самое заросшее сердце, и Наталия Сац из всех мытарств вынесла веру в человека. Не жалейте сил, вгрызайтесь лопатой терпения и веры в неподатливый грунт, и вы непременно докопаетесь до родничка с живой водой. Не случайно один из самых непробиваемых московских строителей, настоящий цербер при общественном добре, сломленный Наталией Сац, воскликнул: «С этой бабой мы бы всю Москву застроили!».

А разве легко приходилось ей с такими сложными индивидуальностями, с такими причудливыми характерами, как Алексей Дикий, Фаворский, Гольц, позже Алексей Толстой, Сергей Прокофьев, а ведь всех переупрямила зеленая девчонка, режиссер-самоучка! Понятно, что в более зрелые годы она умела укрощать и таких западных корифеев, как Отто Клемперер.

Наталия Сац настоящий боец, она умеет «держать удар», как говорят спортсмены, не поддаваться ни физической хвори, ни душевному упадку, она очень сильный человек, но умеет и открыто, шумно радоваться удачам, в ней нет ни тени лицемерия, наигранной скромности, и очарованный ее откровенной манерой читатель, охотно разделяет ее радость, ликующий крик альпиниста, достигшего новой вершины.

Пик довоенных удач Наталии Сац — создание Центрального детского театра. Но до этого было много удивительных встреч: с Альбертом Эйнштейном, Максом Рейнгардтом, Эрвином Пискатором, творческое содружество с великим дирижером Отто Клемперером, постановка «Фальстафа» Верди в знаменитой «Кроль-оппера», триумфальная поездка в Аргентину и постановка «Свадьбы Фигаро» в «Театро Колон», было и огромное личное счастье в браке с ярким, крупным человеком и деятелем Советского государства И. Я. Вейцером, был огромный, ошеломляющий успех «Сережи Стрельцова» (пьеса В. Любимовой), которым упивалось все мое поколение, было много труда и счастливой усталости, побед и открытий, и вдруг все кончилось.

Об этом трудном периоде своей жизни, в котором многолетнее отторжение от любимой Москвы, Алма-Ата, попытки налаживания новой судьбы, Наталия Сац рассказывает без надрыва — просто, достойно и правдиво.

Все-таки замечательна такая одержимость искусством, единственным призванием. Она позволила Наталии Сац не утратить ничего из своей веры, своей личности, пройти через все испытания и вернуться к любимому делу, блистательно поставить «Чио-Чио-сан» в Алма-Атинском оперном театре, создать казахский детский театр, заочно окончить театральный институт (и в пятьдесят не поздно получить высшее образование), защитить кандидатскую диссертацию, а по возвращении в Москву осуществить главное дело своей жизни — создать первый и единственный в мире детский оперный театр. Вот пример стойкости, мужества, веры в свою страну и одушевляющие ее идеи.

Сейчас нередко приходится видеть, как молодой, здоровый человек раскисает при первой же неудаче: провале на вступительных экзаменах в вуз, сердечном огорчении, столкновении с малой несправедливостью. Руки опущены, жить не хочется, вера подорвана. А ведь мы живем не в раю и вряд ли когда будем жить, да и не надо — это же скука, вечно сидеть на облаке, свесив ноги, и пощипывать струны арфы. А в человеческом обществе всегда будут человеческие характеры, темпераменты, а стало быть, и человеческие ошибки, и надо уметь не разваливаться от неудач, а идти дальше, к немеркнущей звезде большой цели, как это делала Наталия Ильинична Сац.

ОТКРОВЕННОСТЬ, искренность, горячность сами по себе не гарантируют литературного качества, а это требование может быть предъявлено к произведению любого жанра: и мемуарного, и даже эпистолярного. Разве есть сомнение, что переписка Абеляра с Элоизой, письма мадам Севинье к дочери, эпистолярное наследство Флобера, Чайковского, дневники Л. Толстого или Жюля Ренара — замечательная литература, а беллетристика многих борзописцев никакого отношения к литературе не имеет. Новеллы жизни Наталии Сац, наделенной несомненным и прочным литературным талантом (она ко всему прочему — интереснейший драматург и сценарист), должны быть судимы по строгим законам художественности. Этот суд, как мы уже убедились, не страшен ее двухтомнику, который литературен без литературщины и в раскрепощенности своей выверен строгой мерой хорошего вкуса. В каком-то смысле писать о великом человеке легче, нежели о заурядном. Великаны всем интересны. А вот создать образ «просто Димы», человека почти без свойств (есть тут такой персонаж), — для этого требуется незаурядное и очень тонкое литературное мастерство. Стало быть, «Новеллы моей жизни» не нуждаются в поблажках.

Не задался Н. Сац образ Эйнштейна. Перед нами симпатичный немецкий «гелертер», любящий жену, детей, свой загородный домик и сад, любящий поливать цветы из резинового шланга, играть на скрипке и добродушно болтать с гостями. Правда, иногда в его взоре появляется нечто отвлеченное, и он скрывается в рабочем кабинете, чтобы сделать открытие. Все в доме Эйнштейна называют друг друга уменьшительными именами, что на русский слух звучит довольно противно: «Альбертль», «Ильзль» — прямо-таки образцовое мелкобуржуазное немецкое семейство. Наверное, все так и было: жасмин, садовые ножницы, шланг, игра на скрипке, назойливые уменьшительные и уютная воркотня, но ведь был еще... Эйнштейн. Наталия Ильинична даст понять, что образ Эйнштейна ей не по плечу, поскольку она не может постигнуть его теорий. Но ведь это не так. Знаменитая формула Эйнштейна, покончившая с ньютоновским миром и поместившая нас как бы в иную вселенную, доступна любому среднеобразованному человеку, а главное, надо понять не математическое выражение идей Эйнштейна, а их философский смысл, что, конечно же, по силам ухватистому уму Наталии Сац. И тогда среди жасминов и шлангов появился бы не уютный доморощенный садовод и скрипач-любитель, а великая личность.

Вообще же Наталия Сац мастерски владеет даром литературного портрета. Ей удается изобразить своих выдающихся современников во всем человеческом и творческом своеобразии. В первую очередь это относится к образам Сергея Прокофьева, Макса Рейнгардта, Эрвина Пискатора, Отто Клемперера, Вальтера Фельзенштейна, Николая Черкасова, Сергея Лемешева. Да и в беглых зарисовках удача неизменно сопутствует писательнице, когда она верна новеллистичности, то есть когда наличествует известная конфликтность, а с нею — радость собственного открытия образа, зачастую весьма неожиданного. А конфликтность эта может корениться и в предвзятости, и в непростоте первознакомства, и в принципиальном рабочем споре, и в сложности духовного существа самой Наталии Сац, которой, как и всякому творческому человеку, надо оберегать свой мир от чужого властного вторжения, и во многом другом. Но порой образ возникает без новеллистических ходов, пример — главка, посвященная интересному и непростому образу Леонида Леонова.

Садясь за рецензию, я думал, что напишу строже. Да не получилось, и причина не во мне, а в книге. Надо обладать непролазно дремучей душой, чтобы не откликнуться этому гимну жизни и труду, этому звонкому признанию в любви к людям и к лучшим среди них — детям, этой безграничной вере во всепобеждающую силу добра.

Ну, а о том немногом, что мне не понравилось в книге, я сказал с той же искренностью, с какой признался в своем восхищении «Новеллами» Наталии Сац.